

УДК 94 (100)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.31.6>

Приключения обер-фельдкурата Карла Дрекслея в Сибири (по архивным источникам). Часть 1*

А. В. Ануфриев, Д. В. Козлов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассмотрена судьба одного из священнослужителей – обер-фельдкурата австро-венгерской армии Карла Дрекслея, попавшего в плен во время русской наступательной операции под Раввой-Русской. К. Дрексель оказался под оперативным наблюдением сразу двух серьезных ведомств – контрразведывательного отдела штаба Иркутского военного округа и Иркутского губернского жандармского управления. В исследовании использованы архивные документы, а также изъятый у К. Дрекслея дневник, отложившийся в деле, который содержит конспект воспоминаний. Введение в научный оборот не публиковавшихся ранее исторических источников помогает по-новому подойти к исследованию такой темы, как трансформация проявлений лояльности и патриотизма пленных. Анализу подвергаются такие проявления и по отношению к родине, и по отношению к стране плена. В первой части рассматривается довоенная биография К. Дрекслея, история его пленения и пребывания в лагере военнопленных в Приморье.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сибирь, плен, пленные, религия, католицизм, побег, лояльность, заговор, дневник, разведка.

Для цитирования: Ануфриев А. В., Козлов Д. В. Приключения обер-фельдкурата Карла Дрекслея в Сибири (по архивным источникам) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 31. С. 6–12. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.31.6>

Вторая половина XIX – начало XX в. стали переломным периодом в истории войн. Это связано с появлением регулярных армий, построенных на всеобщей воинской повинности, качественным усовершенствованием существующих видов вооружения и появлением оружия массового поражения, изменением тактики и стратегии ведения войн. В результате масштабы войн и их последствия кардинально изменились. Впервые перед государствами стал вопрос «массового плена» в условиях большой войны. Происходившие процессы гуманизации требовали единообразного подхода к правилам и нормам ведения боевых действий.

Вопрос о правилах и нормах ведения войн, о статусе военнопленного и его правах и обязанностях был рассмотрен на Брюссельской конференции,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 19-59-23007.

созванной по инициативе России. Конференция проходила с 15 июля по 15 августа 1874 г., в ней приняли участие 15 государств, в том числе крупнейшие мировые державы. Россия, как инициатор встречи, представила проект международной конвенции о правилах ведения войны, который из-за разногласий участников принят не был. Но именно эта неудачная попытка подтолкнула европейские страны к решению о создании свода международных пактов, устанавливающих правила ведения боевых действий. После напряженной подготовительной работы ведущие страны мира приняли решение о проведении специальной международной конференции, которая состоялась в Гааге.

Первая конференция, также созванная по инициативе России, проходила в Гааге с 18 мая по 29 июля 1899 г. В её работе приняли участие все крупнейшие государства мира: Великобритания, США, Германия, Франция, Италия, Россия, Скандинавские страны, Япония и др. Этим шагом Россия продемонстрировала мировому сообществу уровень развития отечественного права и позиционирование его как инструмента решения важнейших вопросов жизни человека и государства на мировом уровне. В рамках конференции были приняты три конвенции: «О мирном решении международных столкновений»; «О законах и обычаях сухопутной войны»; «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 авг. 1864 г. о раненых и больных», а также три декларации, касающиеся ограничения средств ведения военных действий. Положения, связанные с правовым статусом пленного, основывались на материалах Брюссельской конференции 1874 г.

Отдельно оговаривались вопросы вероисповедания: «Военнопленным предоставляется полная свобода отправления религиозных обрядов, не исключая и присутствия на церковных, по их обрядам, богослужениях, под единственным условием соблюдения предписанных военной властью мер порядка и безопасности». Обязанность проведения религиозных обрядов возлагалась как на местных священнослужителей, так и на оказавшихся в плену военных капелланов [2].

Один из таких священнослужителей – обер-фельдкурат австро-венгерской армии Карл Дрексель.

Карл Франц-Иосиф Дрексель родился в Тироле; немец по национальности, он получил богословское и философское образование в Риме. Дрексель еще до Первой мировой войны стал активным общественно-политическим деятелем, членом правой консервативной австрийской христианско-социальной партии, выступавшим за расширение социальных прав рабочих-католиков [4]. С началом Первой мировой войны он вступил в австрийскую армию военным священником, получив чин капитана 2-го Тирольского императорского егерского полка, расквартированного в его родном городе.

В составе австро-венгерской армии имелось четыре тирольских егерских полков, элитных по составу и боевой подготовке. В эти полки зачислялись жители альпийских предгорий. 2-й Тирольский императорский егерский полк был сформирован в 1895 г., состоял на 60 % из немцев и на 40 %

из итальянцев и квартировал в г. Больцано. Прибывшие на фронт егеря действовали в составе 3-й пехотной дивизии. Поздним вечером 24 августа 1914 г. они внезапно атаковали у д. Заборже штаб 11-й русской пехотной дивизии и стоящий здесь же биваком 42-й Якутский пехотный полк. Атака стала полной неожиданностью для русских, и в руках егерей оказался штаб дивизии, почти 1 тыс. пленных и 10 артиллерийских орудий. В атаке особенно отличился 2-й Тирольский стрелковый полк. Именно он атаковал бивак штаба русской дивизии и 42-го Якутского пехотного полка, выведя из строя семь орудий и пленив несколько сотен человек.

Но радость тирольцев была недолгой, на рассвете 25 августа оправившиеся русские полки штыковой атакой смяли порядки австрийцев, отрезали от основной части дивизии 2-й Тирольский полк, который был буквально уничтожен русским штыком и огнем. Его остатки (более 500 солдат и офицеров) были взяты в плен, в число плененных попал и Карл Дрексель. Командир полка, поднявший егерей в контратаку, полковник Брош фон Аренау был убит со знаменем в руках. Знамя тирольцев захватили нижние чины 41-го Селенгинского пехотного полка 11-й пехотной дивизии Ефим Черный-Ковальчук и Федор Алексеев. Рядовой Ефим Черный-Ковальчук 20 сентября лично представил знамя государю императору в Царском Селе и был им собственноручно пожалован крестом Святого Георгия 4-й степени № 1 – первой такой наградой великой войны [3].

Следует отметить, что отношение военных и гражданских властей к военнопленным было дифференцированным, на особом положении находились славяне, служившие в рядах австро-венгерской армии. В России был создан Совет попечителей о пленных славянах, который оказывал им всестороннюю помощь и следил за тем, чтобы не допускались изъятия вещей и продуктов у славян немецкими и австрийскими пленными. По распоряжению военных властей чехи и словаки размещались в европейских губерниях, а немцы, австрийцы и венгры, как настроенные неблагожелательно и склонные к побегам, направлялись на восток страны.

В специальном циркуляре департамента полиции № 34150 (1915 г.) конкретизировалось: «В видах ограждения находящихся у нас военнопленных славянских национальностей, дружественно относящихся к России от враждебного и часто оскорбительного отношения к ним пленных германцев, австрийских немцев и мадьяр, военным ведомством приняты меры к совершенно обособленному размещению славян». В статистических отчетах о военнопленных славянам-военнопленным всегда отводилась отдельная строка. Так, в «Сведениях о военнопленных низших чинах отправленных на работы по состоянию на 1.03.1916 г.» славяне и румыны выделены особо, отмечено, что таковых соответственно 989 и 322 человека¹.

К. Дрексель вместе с нижними чинами и офицерами полка был отправлен в распоряжение штаба Приамурского военного округа и оказался в одном из лагерей в Приморье. Надо сказать, что одной из самых сложных для

---

¹ ГАЗК. Ф 1. Оп. 1. Д. 104595. Л. 27.

исполнения норм стало положение о свободе вероисповедания: «Военнопленные ни под каким видом не должны быть стеснены для исполнения обрядов их вероисповеданий, не исключая присутствия на церковных богослужениях» [1, с. 336]. Местных священнослужителей (прежде всего католиков и лютеран) было чрезвычайно мало, поэтому было принято решение о привлечении для выполнения духовных треб военнопленных священнослужителей. Реализация этого положения в многоконфессиональных гарнизонах была предельно сложным делом, однако почти во всех лагерях были созданы молельные комнаты, чаще всего совмещенные со столовой (в фондах ГАИО хранится фотография богослужения в отдельном помещении Иннокентьевского лагеря военнопленных, подобные помещения имелись и в других лагерях Иркутского военного округа, о чем также свидетельствуют фотоснимки). Кроме католиков, которых окормляли не только местные пасторы, но и военнопленные-священнослужители, в лагерях Иркутского военного округа содержались лютеране. В Иркутске и Канске обряды исполнял «пастор евангелического вероисповедания» Карл Визе, военнопленный пастор прусской армии¹.

Местная администрация разрешила фельдкурату К. Дрекселью свободное проживание вне лагеря, на него была возложена обязанность исполнения религиозных служб, с возможностью посещения всех лагерей, расположенных в Приамурском военном округе. В 1915 г. К. Дрексель попал под оперативное наблюдение контрразведывательного отдела Приамурского военного округа. Он подозревался в создании тайной организации побегов офицеров австро-венгерской армии и шпионаже. Одновременно наблюдение за ним вели и органы жандармерии. Летом 1915 г. он был арестован, помещен на гауптвахту в Хабаровске, 4 августа 1915 г. выслан в Иркутск. В штаб Иркутского военного округа была отправлена телеграмма о преступной деятельности некоего ксендза-австрийца, «который... будучи взят помощником местного окружного капеллана ездит по всему краю и входя в общения с пленными, получает возможность собирать данные о составе и расположение тамошних частей».

Предлагалось применить к «означенному выше пленному» «строгую арестантского режима» и обеспечить «принятия мер, чтобы названный пленный, не мог сообщать кому либо сведения о наших войсках и иметь возможность вообще с кем либо сношения». Телеграмма на имя начальника штаба округа от 30 июля 1915 г. конкретизировала личность ксендза: Карл Дрексель, и рекомендовала «письма означенного пленного» подвергать «особо строгой цензуре»².

Прибывший в Иркутск 10 августа 1915 г. Карл Дрексель был размещен на гауптвахте при 12-м запасном Сибирском батальоне и содержался «на строгом арестантском режиме и под усиленной охраной» в одиночной офицерской камере. Однако ксендз достаточно быстро добился послаблений, по его словам, в Приамурье ему «не предъявляли обвинений и не подвергался

¹ РГВА.Ф. 39515. Оп. 1. Д. 299. Л. 75.

² РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 654. Л. 1–10.

дознанию», а генерал (по всей видимости, врид начальника штаба Иркутского военного округа Ильяшевич) обещал ему ослабление режима. Спустя три месяца режим содержания ему был ослаблен. Управление Могилевской римско-католической епархии 31 декабря 1915 г. возбудило ходатайство об освобождении Дрекселя из-под ареста и передаче его на поруки под личную ответственность настоятеля Иркутского костела ксендза Казимира Ваньковского, аргументируя это тем, что «дело о шпионаже в достаточной мере является опровергнутым» и ожидается окончательное соглашение об обмене и возвращении на родину всех военных священнослужителей¹.

За арестованного капеллана вступились лично великая княгиня Ольга Константиновна и великий князь Георгий Михайлович, просившие либо разрешить Дрекселю проведение священнических обязанностей, либо отпустить его на родину. Активную роль в освобождении К. Дрекселя из-под ареста, а затем и разрешении ему проводить богослужения сыграл декан иркутского костела Ваньковский. Он лично в начале февраля 1916 г. обращается к командующему Иркутским военным округом с письмом, в котором описывает ситуацию, сложившуюся с военнопленными-католиками: «В настоящее время в Иркутске и его окрестностях около 10 тыс. католиков. Ранее я хоть и с трудом исполнял духовные требы им. В настоящее время, видя мою физическую невозможность удовлетворить духовные потребности военнопленных, вследствие их численности и разбросанности по лагерям... я обратился в штаб Иркутского военного округа с предложением выдать пропуск в лагерь военнопленному священнику Карлу Дрекселю, для проведения богослужений». Далее Ваньковский дает характеристику К. Дрекселю и завершает письмо словами: «...зная личность священника Дрекселя, я беру на себя ответственность за корректность его поведения во всем».

Предложения декана костела поддержали и сами военнопленные – старший офицер австро-венгерской армии Эмиль Мюнстер от имени офицеров Заиркутного городка ходатайствовал о допущении К. Дрекселя для проведения «богослужения по католическому образцу» и утверждал: «Этим католики здешнего лагеря будут удовлетворять свои религиозные потребности»².

К. Дрексель добился своего – ему было разрешено проводить богослужения для военнопленных с оговоркой «только духовные требы в самом прямом значении этого слова». Но почти сразу у Карла Дрекселя возник конфликт с администрацией лагеря Заиркутного городка, охраняемого 716-й ополченческой дружиной. По словам начальника дружины генерала Насонова, «человек ловкий и хитрый, он сумел завязать связи в Петрограде и добился своего освобождения из казарм» на поруки декану иркутского католического костела Казимиру Ваньковскому. По мнению коменданта лагеря, изложенному в письме на имя начальника Иркутского ГЖУ полковника Балабина, римско-католический священник К. Дрексель «имеет огромное влияние на пленных и оказывает крайне вредное влияние» и контактирует с иностранными делегациями. Командир дружины считает, что именно он

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 654. Л. 23–23об.

² Там же. Л. 28.

организовал побег пяти офицеров из лагеря 26 января 1916 г. и «распространяет слухи во вред России».

Не менее жестко отзывался о Дрекसेле и руководитель Иннокентьевского лагеря подполковник Марков, напрямую обвинивший Дрекселя в распространении слухов о скором поражении России в войне, подготовке побегов. По словам Маркова, «в лагерь военнопленных ни один человек не допускается и общение военнопленных с кем либо не допускалось никогда. Сам я лично, безусловно, русский человек, и при том, крутой и ни на какой компромисс не пойду»¹. Таким образом, К. Дрексель попал под оперативное наблюдение двух ведомств – контрразведывательного отдела штаба Иркутского военного округа и Иркутского губернского жандармского управления.

Список литературы

1. *Авербах О. И.* Законодательные акты чрезвычайного характера, вызванные войной. Ч. 1. Вильна, 1914. 686 с.
2. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (1907 г.). URL: <https://avalon-law.ru/2019/11/08/1907-konventsiiya-o-zakonah-i-obychayah-suhoputnoj-vojni/> (дата обращения: 28.12.2019).
3. *Олейников А. В.* Захвачены в бою. Трофеи русской армии в Первой мировой. М. : Вече, 2015. 366 с. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=262271> (дата обращения: 28.12.2019).
4. *Drexel K.* Feldkurat in Sibirien 1914–1920. Innsbruck and Leipzig : F. Rauch, 1940.

The Adventures of Feldkurat Karl Drexel in Siberia (According to Archival Sources)

A. V. Anufriev, D. V. Kozlov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. We can analyze the fate of one of these priests – the ober- feldkurat of the Austro – Hungarian army Karl Drexel. To describe his activities, the article uses a variety of new archival sources, as well as the diary of a priest. During the Russian offensive operation, the priest was taken prisoner in the battle of Rabba Russkaya. In 1915 K. Drexel came under the operational supervision of the Intelligence Department of the Amur military district. It should be emphasized that the historical sources analyzed in the article, help to develop a new approach to the analysis of such an interesting topic as the transformation of the manifestations of loyalty and patriotism of PoW. In this case, it is possible to analyze such manifestations both in relation to the homeland and in relation to the country of captivity. The article is divided into two parts based on the internal logic of the presentation of the material, The first part deals with the pre-war biography of K. Drexel, the history of his captivity and stay in a prison camp in the Far East.

Keywords: First world war, Siberia, captivity, PoW, religion, Catholicism, escape, loyalty, conspiracy, diary, intelligence.

For citation: Anufriev A.V., Kozlov D.V. The Adventures of Feldkurat Karl Drexel in Siberia (According to Archival Sources). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 31, pp. 6-12. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.31.6> (in Russian)

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп.2. Д. 654. Л. 47–52.

References

1. Averbah O.I. *Zakonodatelnye acty chrezvychainogo kharaktera, zvannye voinoy*. [Legislation of an extraordinary nature caused by the war]. Part. 1. Vilna, 1914, 686 p.
2. Konventsia o zakonah i obyčajah sukhoputnoj voiny (1907) [Convention on the laws and customs of war on land]. Available at: <https://avalon-law.ru/2019/11/08/1907-konventsija-o-zakonah-i-obyčajah-suhoputnoj-vojni/> (date of access: 28.12.2019).
3. Oleinikov A.V. *Zahvacheny v boy. Trophai russkoy armii v Pervoy mirovoy* [Captured in battle. Trophies of the Russian army in the First World War]. Moscow, Veche Publ., 2015. 366 p. Available at: <https://www.litmir.me/bd/?b=262271> (date of access: 28.12.2019).
4. Drexel Karl. *Feldkurat in Sibirien 1914–1920*. Innsbruck and Leipzig, F. Rauch, 1940.

Ануфриев Александр Валерьевич
старший преподаватель, директор,
Центр историко-культурного наследия
Иркутский государственный университет,
Россия, 664046, Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: nnnadezhda.mail.ru

Anufriev Aleksandr Valerievich
Senior Lecturer, Director,
Center of Historical and Cultural Heritage
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: nnnadezhda.mail.ru

Козлов Дмитрий Викторович
кандидат исторических наук, доцент,
директор, Межрегиональный институт
общественных наук
Иркутский государственный университет
Россия, 664046, Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: dvk@home.isu.ru

Kozlov Dmitrii Victorovich
Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Director, Irkutsk CASE
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: dvk@home.isu.ru